

Некоторые аспекты лесной политики Российской империи в первой четверти XIX в.

М.О. Тяпкин¹, Т.Н. Соболева²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия)

² Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Some Aspects of Forest Policy of the Russian Empire in the First Quarter of the XIX Century

M.O. Tyapkin, T.N. Soboleva

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russia)

Altai State University (Barnaul, Russia)

Характеризуются основные изменения в лесной политике Российской империи в первой четверти XIX в. Показывается изменение роли лесного хозяйства в хозяйственном механизме России. Раскрываются изменения структуры управления лесной отраслью в связи с включением Лесного департамента в состав Министерства финансов. Приводятся примеры децентрализации лесного управления в рассматриваемый период. Анализируется система регионального лесного управления и предпринимаемые попытки по ее усовершенствованию. Авторы приходят к выводу о том, что в рассматриваемый период в правительстве начинает преобладать финансово-фискальный подход к лесному фонду страны, результатом чего стало изменение структуры управления лесным хозяйством и постановка перед отраслью новых задач. Основными препятствиями на пути формирования рационального доходного лесного хозяйства были низкие темпы земле- и лесоустройства, дефицит квалифицированных кадров, отсутствие полноценной системы охраны лесов. Первая четверть XIX в. стала периодом, в течение которого были осознаны и подготовлены дальнейшие преобразования лесной отрасли, реализованные в ходе реформ лесного управления 1826–1828 гг.

Ключевые слова: Лесной устав, Лесной департамент, Министерство финансов, Департамент государственных имуществ, обер-форстмейстер, лесная такса, рациональное лесное хозяйство, лесная политика.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.2-37

Крылатая фраза классика отечественного лесного дела Г.Ф. Морозова «лесоводство — дитя нужды» несет в себе глубокий смысл. Действительно, до тех пор пока государство, как и любой другой лесо-

The article gives the characteristics of the main changes in the Russian Empire forest policy in the first quarter of the nineteenth century. The emphasis is made on the alteration of the role of the forestry in the Russian economy. The authors consider the changes in the forest branch management structure which happened due to the inclusion of Forest Department in Ministry of Finance. The examples are given of forest administration decentralization which emerged during the period in question. Analysis is given to the regional forest administration system and attempts of its improvement. The authors come to the conclusion that financial-fiscal approach to the forest fund of the country starts to prevail in the government during the period under consideration. As a result, there was a change of the forestry management structure and emergence of new goals. The main obstacles on the way of rational profitable forestry were low rate of the land and forest planning, deficit of skilled labour, absence of complete system of forest protection. The first quarter of the nineteenth century became a period when further transformations of forestry were fully realized and prepared. These conversions were implemented by means of forest administration reforms in 1826-1828.

Key words: The Forest Charter, Forest Department, The Ministry of Finance, Department of State Property, Chief Forester, forest tax, rational forestry, forest policy.

владелец, не испытывает беспокойства за состояние своего лесного имущества, оно, скорее всего, не будет предпринимать никаких мер к его сохранению. В.В. Врангель, исследователь истории отечественного

лесного законодательства, дополняет эту мысль, указывая, что «более или менее раннее появление постановлений по лесной части зависит, главным образом, от изобилия лесов, от большей или меньшей потребности лесных произведений для нужд и существования государства, и наконец, от направления промышленности жителей» [1, с. 1]. История отечественного лесоводства это подтверждает. Появившись в начале XVIII в., отечественная лесная отрасль на протяжении столетия постепенно трансформировалась из придатка кораблестроительной индустрии в самостоятельное направление хозяйственной деятельности, способное приносить прибыль. Практическим отражением изменения вектора государственной лесной политики стало учреждение в 1798 г. Лесного департамента и последующее его включение в состав Министерства финансов. Э.Г. Истомина справедливо полагает, что именно передача Лесного департамента в ведение Министерства финансов стало индикатором окончательного утверждения представлений о лесе как об источнике дохода для казны [2, с. 39].

Первая четверть XIX в. стала периодом, в течение которого кардинально поменялось представление правительства о ценности лесных ресурсов страны. Безусловно, корабельные леса во времена существования деревянного судостроения представляли особую ценность. Однако в отличие от предшествующего периода, когда лесные массивы, не относящиеся к корабельным и не являющиеся заказными, практически выпадали из хозяйственного оборота, в XIX в. начинается процесс включения их в сферу коммерческих интересов государства. Для успешной реализации наметившейся тенденции необходимо было осуществить ряд мероприятий правового и организационного характера.

За недолгий период царствования Павлу I удалось сформировать систему жесткой регламентации лесопользования и лесоохраны, его законы стали «прочными основами для устройства лесного управления, организации местной администрации и введения порядка в казенных лесах» [3, с. 15]. Смена власти, произошедшая в результате последнего в истории нашей страны дворцового переворота, отразилась и на лесной сфере. Взявший курс на либерализацию общественных отношений и отменивший в первые же недели своего правления многие законоположения своего отца, Александр I в своем Манифесте от 2 апреля 1801 г. предпринимает попытку изменить систему крестьянского лесопользования. Не отрицая необходимости существования специализированного лесного управления, новый император указывал, что введенная его отцом форма управления лесной отраслью в стране стала поводом «для разных поселениям притеснений». В связи с этим было дано распоряжение, «чтобы села и деревни, имеющие у себя лесные дачи, за исключением лесов, годных на кора-

бельное строение, остающимися имели полную свободу пользоваться не только на обстройку их и домашний обиход, но даже и на продажу, когда окажется в них избыток» [4, с. 603]. Другими словами, все леса, оказавшиеся в пределах крестьянских наделов, за исключением корабельных, были изъяты из ведения Адмиралтейств-коллегии и переданы под контроль волостных правлений. В целях недопущения истребления лесов было дано указание волостным правлениям разделить лес на лесосеки и смотреть, «дабы к запрещенным никто не прикасался». В акте присутствовала оговорка, что подобный порядок может быть установлен только после приведения лесов в известность, т.е. определения четких границ владения.

Однако ожидаемого эффекта это начинание не принесло. Напротив, уже через несколько месяцев после принятия Манифеста Сенату пришлось издавать указ «О сохранении казенных лесов от самовольной порубки и о содействии в сем случае губернским начальствам». В указе констатировался факт резкого увеличения числа самовольных порубок, поскольку «поселяне, получа в свое ведение леса, по внушению земской полиции не токмо к селениям их принадлежащие, но и собственно казенные и корабельные заповедные в казенных даже рощах и заклеименные чрезмерно истребляют сечами и огнями на знатные пространства, не вникая запрещениям форстмейстеров, но еще и устраивают их побоями, дабы не осмеливались ездить по лесу. Лесные надзиратели и пожарные старосты вышли из повиновения, и о благосостоянии лесов не стали относиться к форстмейстерам» [5, с. 873].

История отечественного лесного хозяйства изобилует примерами того, как попытка либерализации норм лесопользования и лесоохраны сразу же приводила к валу лесонарушений и истреблению лесов. Практически любое послабление воспринималось как вседозволенность и возможность неограниченного пользования любыми лесными материалами.

Несмотря на явные проблемы сохранения крестьянских и даже ценных корабельных лесов, основные положения Манифеста от 2 апреля 1801 г. остались в силе. Сенат ограничился строгим предписанием губернским правлениям и губернаторам принимать меры к охранению лесов и строжайше подтверждать земским судам и исправникам наблюдать за крестьянами и удерживать их от своевольных истреблений лесов, им не принадлежащих. Лесным чиновникам было предписано, чтобы «они при всяком случае, когда встретится от поселян своевольное и незаконное истребление лесов, об отвращении оно-го требовали вспоможения от губернских начальств, которые не оставят употребить зависящих от них мер» [5, с. 874].

После образования Министерства финансов в сентябре 1802 г. и включения в его состав Лесного депар-

тамента с правами государственной коллегии потребовалось обновление нормативно-правовой базы лесной отрасли. Александру I было суждено войти в историю как императору, принявшему первый в России Лесной устав, который был утвержден в ноябре 1802 г. В пояснительной записке к проекту Устава было сказано, что при его составлении был проведен анализ «бывших лесных постановлений» и собраны сведения о «нынешнем состоянии казенных лесов» [6, с. 350]. При подготовке первого Свода законов Российской империи Лесной устав вошел в восьмой том (часть 1), где и располагался вплоть до отмены царского законодательства в результате революционных событий 1917 г. Принятие Лесного устава положило начало формированию системы российского лесного права.

Устав состоял из трех глав и сорока семи статей, в которых рассматривались вопросы организации управления лесами и лесопользования. Основной целью деятельности Лесного департамента в новых административно-хозяйственных условиях Устав называл формирование доходного рационального лесного хозяйства. Анализируя содержание устава и оценивая значение его принятия в целом, И.В. Шутов делает вывод, что в уставе на законодательном уровне были заданы главные цели государственного лесного хозяйства России и принципиальные основы того, как оно должно быть организовано, и впервые провозглашен принцип «общее важнее частного» [7, с. 30]. Действительно, устав определял, что все леса, за исключением состоящих в дворянской собственности, должны были состоять в непосредственном управлении и распоряжении Лесного департамента, т.е. государственного органа управления, который представлял и защищал интересы государства в лесной сфере, а руководитель департамента (Директор государственных лесов) назначался императором и подчинялся по должности непосредственно министру финансов. Помимо директора в состав управления департамента входили шесть советников и три члена, по одному от Адмиралтейств-коллегии (корабельные леса), Берг-коллегии (горнозаводские леса) и Коммерц-коллегии (экспортная торговля лесом). Директор департамента имел определенную автономию от министра финансов, обращаясь в Сенат напрямую, обязуясь лишь ежемесячно информировать министра о содержании сенатских представлений. Также директор департамента был обязан ежегодно представлять Правительствующему Сенату и министру финансов сведения о состоянии лесных массивов, их доходности и о темпах лесоразведения.

Задачами, поставленными перед Лесным департаментом, были приведение лесов в известность и разделение их на лесосеки, развитие лесопользования и лесоохраны, лесной торговли, в том числе внешней, формирование системы лесоводческих учебных заведений, повышение доходности казенного лесного хозяйства.

Увеличившееся значение леса как источника дохода для казны повлекло за собой появление лесных такс, определявших попенную и посаженную стоимость древесины. Лесной устав содержал положение, согласно которому «все казенные места и лица, кроме флота и портов, для своих надобностей получали лес с платою попенных денег» [1, с. 75–76]. В ноябре 1810 г. было высочайше утверждено «Постановление нового порядка на продажу дерев из казенных лесов и сбора следующих в казну денег по исправленным таксам» [8, с. 434–444]. Нормативный акт ввел ряд поощрительных мер для развития внутренней лесной торговли, в том числе получение обер-форстмейстерами 2%, а уездными лесными чиновниками 3% с прибыли от продажи казенного леса для «большого поощрения лесных чиновников к ревностному исполнению их должностей». Бесплатный отпуск леса был разрешен погорельцам; на ремонт дорог и мостов; переселяющимся казенным крестьянам на обустройство.

Реализация поставленных задач во многом зависела от уровня профессиональной готовности лесных служащих. Лесному департаменту было поручено учредить лесные школы «для образования и научения людей в лесоводственных науках» [6, с. 352–353]. Начало XIX в. стало временем появления специализированных лесоводческих учебных заведений. В частности в 1803 г. было учреждено Царскосельское практическое лесное училище (институт). Число учеников первоначально не превышало 20 человек, набираемых из числа гимназистов и студентов Московского университета.

В 1808 г. по инициативе графа Г.В. Орлова на Елагином острове в Санкт-Петербурге был создан частный лесной институт, первоначально именованный «орловским», поскольку Григорий Владимирович создавал его на собственные средства. Заслуги графа Орлова перед лесной отраслью России были высоко оценены, и в январе 1809 г. он был назначен главным директором государственных лесов. Постепенно Лесной институт включил в свой состав сначала Царскосельский практический лесной институт (1811 г.), а затем и Козельское лесное училище (1813 г.). В результате сформировалось единое образовательное учреждение, основной задачей которого стала подготовка собственных квалифицированных кадров для лесной отрасли. До этого времени практически единственным источником появления лесных специалистов в России было их приглашение из-за границы.

Для реализации возложенных на Лесной департамент задач ему были предоставлены довольно широкие полномочия, а главное, право управлять и распоряжаться всеми казенными лесами империи. Сосредоточение надзорных функций в руках одного ведомства стало частью общегосударственной тенденции по централизации управления и установлению

единоначалия, характерной для начала XIX в. По мнению Л.Е. Шепелёва, необходимость модернизации всей системы государственного управления по пути к централизации была вызвана «общей активизацией и усложнением государственной жизни» [9, с. 25].

Фактически же полномочия Лесного департамента в первые годы его деятельности были даже шире определенных в Лесном уставе, поскольку в ведение Лесного департамента поступили леса «не только леса собственно казенные, но и приписные к разным ведомствам и заведениям, а также находящиеся у временных владельцев по разным правам и привилегиям» [10, с. 832].

Однако постепенно, на протяжении первой четверти XIX в., из ведения Лесного департамента исключались отдельные категории лесов, имевшие особый статус. Еще в 1800 г. в соответствии с указом от 9 ноября полагалось «все отведенные к заводам леса оставить уже навсегда в непосредственном ведении и распоряжении Берг-коллегии» [11, с. 380–381]. После принятия Лесного устава эти леса были возвращены в ведение Лесного департамента, но ненадолго — до 1806 г., когда был образован Горный департамент с правом распоряжаться лесами всех государственных и частных заводов, т.е. более 2 млн дес. лесной площади. Непосредственный надзор за состоянием лесов по-прежнему осуществляли форстмейстеры, что вносило путаницу и напряженность в отношении Лесного и Горного департаментов. В 1830 г. леса уральских заводов, находящихся в ведении Министерства финансов, были переданы в заведование горного начальства, без участия губернского лесного управления, «чтобы оные были управляемы на основании изданных узаконений и по ближайшим распоряжениям и наставлениям министра финансов» [12, с. 134].

В 1803 г. было решено отделить крестьянские леса от казенных, образовав для этого специальные лесные комиссии. Позднее были установлены правила работы комиссий при наделении лесами крестьян Вологодской, Вятской, Нижегородской, Костромской и Новгородской губернии, «имеющих пропитание от лесного промысла и от смолокурения».

В 1805 г. были выделены леса для Пермских соляных заводов. В 1818 г. учрежденному Соляному департаменту было передано право управления всеми лесами, приписанными к соляным заводам.

Лесная дача, расположенная в окрестностях Москвы, в 1809 г. была отдана в ведомство Экспедиции Кремлевского строения.

С 1808 г. леса, произраставшие в удельных имениях, были переданы в ведение Удельного департамента. Необходимо отметить, что при передаче лесов в иное ведомственное подчинение была предусмотрена их опись и выявление деревьев, годных для кораблестроения. Совместные комиссии под руководством обер-форстмейстеров и чиновников удель-

ного ведомства должны были составить опись таким деревьям, заклеить их и «отдать на отчет тех селений, в дачах коих сказанные деревья окажутся; а там, где селений нет, поручить их надзору удельных экспедиций» [13, с. 26]. В 1834 г. был издан сенатский указ «О передаче из казенного в удельное ведомство всех вообще лесов удельных», что завершило формирование лесного фонда удельного ведомства [14, с. 130–131].

Первоначально, после образования Лесного департамента, управление корабельными лесами было также передано в ведение Министерства финансов, а Адмиралтейств-коллегия, в свою очередь, лишилась права и обязанности управлять корабельными рощами. Однако строительство новых парусных судов оставалось важной стратегической задачей государства, особенно после знаменитого кругосветного путешествия Ю.Ф. Лисянского и И.Ф. Крузенштерна в 1803–1806 г. Для организации снабжения верфей строительным материалом было решено учредить особые присутствия, занимавшиеся вопросами местного управления корабельными рощами. В 1817 г. вступило в силу Учреждение управления корабельных лесов [15, с. 504–529]. Был значительно усовершенствован порядок управления корабельными лесами и механизм заготовки корабельной древесины. Надзор за состоянием корабельных рощ и их охрана были поручены местным лесным чинам. При этом до 1828 г. общее заведование корабельными лесами оставалось в руках отделения корабельных лесов Департамента государственных имуществ Министерства финансов. В 1828 г. был образован особый Департамент корабельных лесов, вошедший позднее в состав Морского министерства. В тексте высочайше утвержденного положения говорилось, что Департамент корабельных лесов создается «для заведования корабельными рощами и лесам, приготовления и доставления дубовых и мачтовых деревьев к портам, равно гражданских лесов, как по корабельной, так и по строительной части» [16, с. 1056]. По мнению Н. Шелгунова, это означало, что «главное заведование корабельными лесами было снова поручено тому министерству, которое, главным образом, было обязано заботиться о благосостоянии флота» [17, с. 303]. Однако по инициативе министра государственных имуществ П.Д. Киселёва с 1 января 1854 г. управление корабельными лесами было передано его министерству.

Децентрализация управления лесами происходила и по территориальному принципу. Так, особняком стояли леса Курляндии, Сибири и некоторых других регионов империи.

Приведенные примеры не исчерпывают перечня «раздробления» лесного управления, однако четко иллюстрируют имевшуюся тенденцию. Основным оправданием политики децентрализации являлось убеждение законодателя в том, что каждое ведомство

лучше знает собственные нужды и может более рационально управлять ресурсами, в том числе лесными. Инициатор децентрализации министр финансов граф Е.Ф. Канкрин указывал на то, что у государства просто не хватит средств ввести повсеместно единоеобразное лесное управление. Поэтому было предложено сосредоточить усилия на охране наиболее ценных казенных лесов. Остальные массивы, чтобы они не остались вообще без надзора и охраны, было предложено оставлять под «непосредственный присмотр тех ведомств и заведений, для продовольствия и пользования коих они предназначены, в убеждении, что собственные их выгоды побудят их пещись о сбережении сих лесов, составляющих их условную ответственность» [10, с. 832].

Здравый смысл и забота о государственной экономике в этих решениях, безусловно, есть. Однако однозначно оценить эффективность выбранного направления современникам было весьма сложно, видимо, поэтому в середине XIX в. Н.В. Шелгунов писал: «Точно ли подобное деление было необходимо, или это казалось так правительству, тем не менее лесное управление раздроблено и в этом виде сохранилось до наших дней» [17, с. 251]. С Лесного департамента снималась обязанность по охране ведомственных лесов, однако то, что каждое ведомство пыталось устанавливать свои правила в сфере лесохраны и лесопользования, далеко не всегда положительно сказывалось на состоянии лесных массивов. Казенное лесное хозяйство должно было, по мнению правительства, служить примером для частных лесовладельцев, а также отдельных учреждений и ведомств, в собственности или распоряжении которых находились леса. Однако говорить о создании в первой четверти XIX в. правильного хозяйства в государственных лесах, по меньшей мере, преждевременно, поэтому темпы уничтожения лесов, вне зависимости от их владельческой принадлежности, были очень высоки. Достаточно быстро выяснилось, что частичная передача управленческих функций другим ведомствам не может стать средством, способным предотвратить истребление лесов [2, с. 41]. Знаменитый английский естествоиспытатель Родерик Мурчисон, приехавший знакомиться с Россией в 1840 г., на аудиенции у Николая I на вопрос о самых сильных впечатлениях в своем путешествии, ответил: «Быстрота, с которой истребляются леса в прекрасной стране Вашего императорского величества...» [18, с. 12].

Еще одним направлением реализации государственной лесной политики стала организация местного лесного управления. Как и при Павле I, управление казенными лесами в губерниях оставалось в ведении обер-форстмейстеров, которые со своими канцеляриями с 1803 г. вновь стали находиться в подчинении гражданских губернаторов. В период с 1799 по 1803 г. обер-форстмейстеры подчинялись напря-

мую Лесному департаменту, минуя гражданских губернаторов. Такая автономия, с одной стороны, предоставляла форстмейстерам возможность принимать ответственные решения в интересах лесного хозяйства, а с другой — расширяла им поле для всяческих злоупотреблений служебным положением и обостряла конфликты между лесными и губернскими властями. В итоге правительство отказалось от идеи независимости лесной администрации и поставило лесных чиновников под административный контроль губернских властей, сохранив также ведомственную подчиненность обер-форстмейстеров Лесному департаменту. Губернаторы получили указание заботиться об общем состоянии лесного хозяйства во вверенных им губерниях. Принятый в 1837 г. Общий наказ гражданским губернаторам определял, что в обязанности губернаторов входило утверждение плана ежегодных рубок, лесных такс и определение необходимого числа полесовщиков и пожарных старост по представлению казенных палат [19, с. 361].

Штаты местного лесного управления определялись в соответствии с указом Павла I «О лесном управлении» от 12 марта 1798 г. Всего насчитывалось 40 обер-форстмейстерских должностей (коллежский советник, пехотный полковник — 6 класс Табели о рангах), по одному в каждой губернии (в шести самых крупных губерниях обер-форстмейстеры получали жалование больше, чем в остальных). При каждом обер-форстмейстере состояли секретарь, два канцеляриста, четыре копииста. В подчинении обер-форстмейстеров находились форстмейстеры (титулярный советник, пехотный капитан — 9 класс Табели о рангах), всего 160 человек. Каждый форстмейстер имел двоих учеников. В тех губерниях, где не было окончено межевание и лесоустройство, в штатах лесных управлений находились землемеры. Обер-форстмейстерам и форстмейстерам сверх окладного жалования полагались деньги на содержание лошадей.

В состав управлений входила также лесная стража, представленная ферстерами, унтер-ферстерами, полесовщиками и пожарными старостами. Две последние категории выбирались из казенных крестьян тех селений, которые были расположены близко к лесам. Постоянной лесной стражи в рассматриваемый период времени в общегосударственном масштабе еще не было и низшее лесоохранное звено функционировало на основе натуральной крестьянской повинности. Срок службы полесовщика и пожарного старосты составлял один год, чтобы крестьяне «одни пред другими никакой излишней тягости понести не могли» [20, с. 347–356]. Полесовщики на время службы освобождались от земских налогов и повинностей. Естественно, что степень эффективности подобной лесной стражи стремилась к нулю. Слишком сильная зависимость от своих односельчан и отсутствие навыков профессиональной лесной службы откры-

вали большой простор для различных злоупотреблений и зачастую лишь осложняли обстановку в охраняемых лесных дачах.

Для оптимизации системы регионального управления лесами, по предложению министра финансов, в феврале 1805 г. была учреждена лесная инспекция, которая должна была стать дополнительным звеном в цепочке взаимоотношений между Лесным департаментом и обер-форстмейстерами. Смысл этого преобразования заключался в том, что новая система управления лесами, предполагавшая более строгую регламентацию лесопользования, ограничение бесконтрольной рубки лесов населением, а также преследование за лесонарушения, вступила в конфликт с практикой свободного лесопользования, существовавшей во многих губерниях страны. В своем докладе министр финансов сообщал императору, что работа по устройству рационального лесного хозяйства ведется, но осложняется тем, что «в некоторые губернии еще не межеваны, а во многих лесах казенные от помещичьих не отделены и находятся или в общем владении или в спорах» [21, с. 876–877]. Кроме того, эффективность предпринимаемых мер зависела от уровня профессиональной подготовленности и других личных качеств форстмейстеров, а также степени успешности их взаимодействия с местными властями. Для преодоления существующих «болезней роста» было предложено в качестве опыта учредить должность лесного инспектора на территории Тульской, Московской, Калужской, Орловской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Рязанской и Владимирской губерний. Инспектором был назначен советник Лесного департамента действительный статский советник Пиллисиер. Ему была дана инструкция, которая вменяла ему в обязанность иметь сведения о государственных лесах, организовать пользование ими с извлечением прибыли, не допускать бесконтрольного лесопользования и т.д. В 1806 г. вторая инспекция была введена в западных губерниях империи. Инспекторы не зависели от гражданских губернаторов, подчиняясь напрямую департаменту. На подведомственной им территории инспекторы имели довольно широкие полномочия в сфере назначения — до отрешения от должностей лесных губернских чиновников, а также общего руководства лесной отраслью. Деятельность инспекций была высоко оценена правительством, что получило отражение в тексте именного указа от 6 марта 1809 г., где отмечалось, что «инспекция успела до сего времени привести по некоторым губерниям в известность все казенные леса..., собрала подробные сведения как о приспевших, так и впредь благонадежных к корабельному строению лесам..., умножила противу прежнего лесные доходы... принесла казне ощу-

тельную пользу» [22, с. 847]. Однако, несмотря на высокую оценку, в 1815 г. после смерти первого инспектора Пиллисиера было принято решение о ликвидации обеих лесных инспекций [23, с. 52].

Подобные мероприятия, являющиеся, по сути, частными мерами, были характерны для рассматриваемого периода. Правительство искало оптимальные варианты организации управления лесной отраслью, но до тех пор, пока не была сформирована более или менее устойчивая лесохозяйственная система, значительная доля успеха зависела от инициативности и деловых качеств отдельных чиновников.

После принятия 25 июня 1811 г. «Общего учреждения министерств» и «Учреждения Министерства финансов» заведование государственными имуществами, в том числе казенными лесами, было передано в руки Департамента государственных имуществ Минфина. В состав Департамента государственных имуществ вошли отделение корабельных лесов и отделение казенных лесов. В ведении четырех столов отделения казенных лесов находились все казенные леса, кроме корабельных и отведенных к горным заводам и фабрикам. Основными задачами ведомства являлись установление четких границ лесных дач по их владельческой принадлежности, отпуск, охрана и разведение леса, заведование лесными учебными заведениями и т.д. По сенатскому указу от 31 декабря 1811 г. Лесной департамент и другие учреждения, ведавшие лесами, вошли в состав вновь образованного Департамента государственных имуществ [24, с. 942]. Система регионального лесного управления, а также нормативная база лесной отрасли остались при этом без существенных изменений вплоть до 1826 г., когда было высочайше утверждено положение «О новом устройстве лесной части по губерниям Санкт-Петербургской, Олонецкой, Псковской и Казанской», которое два года спустя было распространено на остальные губернии империи. Принятие этого нормативного акта, подготовленного министром финансов, можно считать точкой отсчета функционирования системы российского лесного хозяйства на принципиально новых основаниях.

Таким образом, в результате предпринятых в первой четверти XIX в. усилий со стороны правительства была сформирована новая система управления лесными ресурсами империи, основной задачей которой было создание и развитие рационального доходного лесного хозяйства. Н.В. Шелгунов отмечал, что «в царствование Александра замечается вообще большой прогресс в лесном хозяйстве России. То, что в прежние царствования было одними фразами, при Александре делается по возможности делом» [17, с. 266].

Библиографический список

1. Врангель В.В. История лесного законодательства Российской империи, с присоединением очерка истории корабельных лесов России. — СПб., 1841.
2. Истомина Э.Г. Лесоохранительная политика России в XVIII — начале XX в. // Отечественная история. — 1995. — №4.
3. Столетие учреждение Лесного департамента 1798-1898. — СПб., 1898.
4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). — Собр. 1. — Т. 26. — №19812.
5. ПСЗРИ. — Собр. 1. — Т. 26. — № 20095.
6. ПСЗРИ. — Собр. 1. — Т. 27. — № 20506.
7. Шутов И.В. Вехи лесного хозяйства России. — СПб., 2012.
8. ПСЗРИ. — Собр. 1. — Т. 31. — № 24417.
9. Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России: XVIII — начало XX в. — СПб., 1999.
10. ПСЗРИ. — Собр. 2. — Т. 7. — № 5742.
11. ПСЗРИ. — Собр. 1. — Т. 26. — № 19641.
12. ПСЗРИ. — Собр. 2. — Т. 5. — Отд. 1. — № 3473.
13. ПСЗРИ. — Собр. 1. — Т. 30. — № 22753.
14. ПСЗРИ. — Собр. 2. — Т. 9. — Отд. 1. — № 6814.
15. ПСЗРИ. — Собр. 1. — Т. 34. — № 27023.
16. ПСЗРИ. — Собр. 2. — Т. 3. — № 2475.
17. Шелгунов Н.В. История русского лесного законодательства. — СПб., 1857.
18. Жудра П.И. Доклад на заседании Лесного общества от 18 ноября 1883 г. // Лесной журнал. — 1884. — Вып. 1.
19. ПСЗРИ. — Собр. 2. — Т. 12. — Отд. 1. — № 10303.
20. Лесной словарь. Составлен в Департаменте корабельных лесов. — Ч. 2. — СПб., 1844.
21. ПСЗРИ. — Собр. 1. — Т. 28. — № 21644.
22. ПСЗРИ. — Собр. 1. — Т. 30. — № 23518.
23. ПСЗРИ. — Собр. 1. — Т. 33. — № 25811.
24. ПСЗРИ. — Собр. 1. — Т. 31. — № 24937.